

ПОЛИТИКА РУСИФИКАЦИИ В ЛИТВЕ: СЛУЧАЙ КАЗИСА ШКИРПЫ

Игорь Игоревич Баринов —

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: barinovnoble@gmail.com

Аннотация

Статья освещает ранний этап жизненного пути Казиса Шкирпы (1895–1979), видного военного и государственного деятеля межвоенной Литвы. Наибольшую известность Шкирпа получил как организатор антивоветского Литовского фронта активистов, который в 1941 г. при поддержке Германии стремился к восстановлению литовской независимости после присоединения республики Советским Союзом, что обусловило повышенный интерес исследователей к этой части биографии Шкирпы при фактическом игнорировании остальных событий его жизни. В статье показано влияние процессов, происходивших в Российской империи во времена молодости Шкирпы, на становление личности будущего политика. Его деятельность рассматривается в широком контексте позднеимперских изменений, включая русификацию «сверху» и ответ на нее «снизу», а также переход от социально-религиозных принципов лояльности к этнонациональным. Как представляется, российская правительственная политика была направлена прежде всего на категоризацию подданных по ряду формальных критериев, соответствие которым определяло их место в негласной общественной иерархии. Биография Шкирпы демонстрирует, как представители группы со спорной лояльностью (литовцы) научились обходить бюрократические препоны. Представая в глазах правительства «идеальными подданными», они параллельно сохраняли и развивали свою национальную идентичность, которая могла идти вразрез с принципами существования империи. Ключевым событием здесь стала Первая мировая война, когда предпринятая властями этническая мобилизация в конечном итоге способствовала реализации национально-политических устремлений различных этнических групп. Статья включает ранее неизвестные личные документы Шкирпы, сохранившиеся в российских архивах.

Ключевые слова

Российская империя, Литва, русификация, Первая мировая война, литовское национальное движение

Статья поступила в редакцию 18 января 2020 г.

Цитирование: *Баринов И.И.* Политика русификации в Литве: случай Казиса Шкирпы // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 37–46.

THE RUSSIFICATION POLICY IN LITHUANIA: THE CASE OF KAZYS ŠKIRPA

Igor I. Barinov,

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: barinovnoble@gmail.com

Abstract

This article sheds some light on the early life of Kazys Škirpa (1895–1979), a prominent military officer and statesman of interwar Lithuania. Škirpa was best known for his efforts to re-establish Lithuanian independence with the support of Nazi Germany after his country was annexed by the Soviet Union during the Second World War. For this reason, evaluation of his personal biography has previously been neglected by scholars. Striving to fill this research and knowledge gap, this paper hypothesises that the formation of the future politician was deeply influenced by processes that took place during his youth in Russia. Škirpa's biography offers a fascinating insight into changes in the Russian Empire. The changes included the two trajectories of Russification; “from above” and “from below” and the transformation of the loyalty principles as well — social-religious loyalty became ethnonational. Russian governmental policy was to categorise its population on the basis of formal criteria. Škirpa's biography demonstrates how the representatives of various ethnic groups (including Lithuanians) bypassed bureaucratic peculiarities to develop their national identity, which worked against the *raison d'être* of the empire. However, at the same time these representatives of the various ethnic groups remained “ideal subjects” of the Tzar. It was the First World War that contributed to the realisation of the national and political aspirations of such ethnic communities. The article also includes some of Škirpa's previously undiscovered personal documents, which were found in the Russian archives.

Keywords

Russian Empire, Lithuania, Russification, World War I, Lithuanian national movement
Received 18 January 2020.

How to cite: Barinov, I.I., 2020. Politika rusifikatsii v Litve: sluchai Kazisa Shkirpy [The Russification Policy in Lithuania: The Case of Kazys Škirpa]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 37–46.

Имя полковника Казиса Шкирпы (1895–1979), военного деятеля и дипломата Первой Литовской республики, мало что говорит тем, кто не знаком с литовской тематикой. Между тем Шкирпу можно отнести к знаковым персонажам межвоенной Литвы. Так, он стоял у основ литовской армии, успел поруководить ее Генеральным штабом и побывать послом в Польше и Германии — двух из трех ключевых стран для литовского государства той поры. Следует отметить, что все события предыдущей биографии Шкирпы, как это нередко бывало, затмила его деятельность во время Второй мировой войны, прежде всего его участие в создании осенью 1940 г. Литовского фронта активистов (ЛФА) — прогерманского подполья,

планировавшего восстановить независимость Литвы при поддержке Берлина¹. В апреле 1941 г. ЛФА сформировал временное правительство, во главе которого встал Шкирпа. Уже на следующий день после нападения Германии на Советский Союз, 23 июня, от имени правительства Шкирпы была опубликована декларация о восстановлении литовской независимости.

Тем не менее эти символические по своей сути акты не были серьезно восприняты немецкой стороной и, судя по всему, не получили особой поддержки у местного населения². Шкирпа был помещен под домашний арест в Берлине, а сам ЛФА был запрещен оккупационными властями. Уже впоследствии возник ряд вопросов об участии его активистов в военных преступлениях и Холокосте на территории Литвы. Помимо прочего, исследователи выяснили, что из опубликованных в диаспоре документов ЛФА были удалены антисемитские фрагменты³. В этом контексте фигура Шкирпы стала восприниматься особенно неоднозначно. Если в 1998 г. в честь него была названа улица в Вильнюсе, то в 2019 г., после оживленной общественной дискуссии, ее всё же переименовали. Впрочем, мемориалы Шкирпы в Каунасе и в его родной деревне сохранились.

Насколько можно судить, сам Шкирпа тоже считал деятельность на посту посла и главы временного правительства ключевым периодом своей жизни. Уже находясь под арестом, он написал значительные по объему мемуары о ходе борьбы за восстановление литовской независимости — как по-литовски⁴, так и по-немецки⁵. Эти материалы легли в основу обобщающей работы, которую Шкирпа на склоне лет выпустил в США⁶, а также сборника воспоминаний и документов, вышедшего уже после его смерти⁷. События более раннего периода, напротив, редко становились достоянием публики. Помимо указанных мемуаров, Шкирпа написал лишь небольшую книжку о событиях 1920 г.⁸ Документы из личного фонда Шкирпы, хранящегося в Литовской Католической академии наук в Патнэме (штат Коннектикут), относятся в основном к послевоенному периоду.

¹ *Dieckmann Ch.* Deutsche Besatzungspolitik in Litauen, 1941–1944. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. S. 247–257.

² От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны. М.: Росспэн, 2018. Т. 1. С. 253–254, 260, 433.

³ *Truska L.* Litauische Historiographie über den Holocaust in Litauen // Holocaust in Litauen: Krieg, Judenmorde und Kollaboration im Jahre 1941. Köln: Böhlau, 2003. S. 265–268.

⁴ Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). F. 648, ap. 2, b. 581 (Kovoki Pastangos gelbėti Lietuvą, 1939–1941).

⁵ Institut für Zeitgeschichte München. Ms 289/1 (Litauens Aufstand gegen die Sowjets im Juni 1941).

⁶ *Škirpa K.* Sukilimas Lietuvos suverenumui atstatyti: dokumentinė apžvalga. Washington (D.C.): Škirpa, 1973.

⁷ Lietuvos nepriklausomybės sutemos (1938–1940). Atsiminimai ir dokumentai. Chicago: Lietuvos kronika, 1996.

⁸ *Škirpa K.* 5 pėstininkų DLK Kęstučio pulko kovos ties Seiniais 1920 metais. New York: Karys, 1971.

Можно полагать, что честолюбивый и амбициозный полковник не считал важными события своего жизненного пути до образования литовского государства. В этой связи любопытно, что исследователи, касаясь личности Шкирпы, на удивление единодушны в отсутствии интереса к ее становлению и развитию. Тем не менее будущий посол и несостоявшийся премьер формировался неотрывно от тех процессов, которые происходили в России в начале XX в. Будучи выходцем с западной окраины империи, пространства острой конкуренции различных национальных проектов, он оказался изначально включенным в правительственные эксперименты по русификации. С другой стороны, его взросление совпало с отменой запретительных мер в отношении литовского языка. Наконец, в последние годы существования Российской империи Шкирпа стал свидетелем, а затем и участником событий, повлиявших как на гражданскую сферу, так и на армию, а также связанных со стремительным ростом национализмов.

Казис Шкирпа (в официальных документах того времени он именовался Казимиром Юрьевичем Шкирпо) появился на свет 6 (18) февраля 1895 г. в семье крестьян деревни Намаюны (сейчас — Намаюняй) Поневежского уезда Ковенской губернии. Место рождения будущего посла находилось на границе трех историко-этнографических зон. С юга к Поневежскому уезду примыкал мультиэтничный и поликультурный Виленский край, где по-прежнему ощущалось сильное польское присутствие. Восточнее располагались Новоалександровск и Двинск, где возрастало влияние русского языка. Северные границы губернии подходили к Остзейскому краю, который всё еще сохранял свой немецкий характер. Сама Ковенщина, включавшая территорию старой Жемайтии, стала очагом литовского возрождения. Именно здесь остатки исторической памяти у мещан и крестьян соединились с интересом к литовской истории у части дворян, еще не забывших литовский язык⁹. Симптоматично, что большинство подписавших Акт о независимости Литвы 16 февраля 1918 г. были уроженцами Ковенской губернии.

Следует отметить, что восприятие русско-имперской культуры в Литве начала XX в. было неоднозначным. По словам историка Альгимантаса Каспаравичюса, литовские элиты, дискутируя о геополитической ориентации, на тот момент делали выбор в пользу России, которая, в отличие от Польши и Германии, несла угрозу скорее политической мысли и государственности, но не культуре, языку и другим элементам национальной идентичности. Этому способствовал экономический, общественный и культурный подъем, в результате которого Литва стала в большей степени чувствовать свою принадлежность к империи¹⁰.

⁹ *Вилимас Д.* Великое Княжество Литовское: стереотипы исторической памяти в Литве // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 508–510.

¹⁰ *Каспаравичюс А.* Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века // *Россия и Балтия*. М.: Наука, 2015. С. 256–260, 267–268.

Вместе с тем правительство стремилось аккумулировать литовское национальное движение в рамках общей деполонизаторской стратегии. Подобному инструментальному подходу литовцы противопоставили инструментальную же русификацию, когда при соблюдении формальных признаков лояльности они использовали ее в собственных интересах. Чувствуя недоверчивое отношение к себе со стороны имперских властей (здесь свою роль сыграли не только польское влияние, но и неудавшееся распространение православия и тайные школы с литовским языком обучения), они стали поступать в учебные заведения соседнего Остзейского края. В глазах имперской бюрократии школы в этом регионе считались дважды проверенными, так как были организованы наиболее лояльными престолу балтийскими немцами и к тому времени уже использовали русский язык обучения.

В итоге сложилась ситуация, обратная литовской: в условиях русификации из-за оттока немцев из государственных школ в частные, где сохранялся немецкий язык преподавания, их места стали занимать литовцы. Так, в Митавской гимназии уже в начале 1890-х годов они составляли около трети учеников¹¹. Через нее прошли многие будущие государственные деятели Литвы, а среди преподавателей был Йонас Яблонскис, разработчик литовского литературного языка. В качестве «кузницы кадров» также выступали прогимназия в Полангене, гимназии в Либаве и Риге. Во всех случаях для литовцев это был первичный «социальный лифт».

Очевидно, похожей логикой руководствовались и родители Шкирпы. После окончания народного училища в Кемьянах¹², Казис в сентябре 1909 г. поступил в Митавское реальное училище, хотя с 1882 г. аналогичное учебное заведение действовало в уездном центре, Поневеже. С формальной точки зрения Шкирпа учился неважно: из 15 предметов у него было 11 троек. Очевидно, выходцу из литовской деревни действительно было непросто освоить курс. К тому же он поступил в училище только в 14 лет, когда нашлось достаточно денег для оплаты обучения. Тем не менее в мае 1914 г. Шкирпа успешно сдал выпускные экзамены и получил аттестат. После этого он еще год готовился, чтобы в августе 1915 г. поступить в Петроградский институт высших коммерческих знаний¹³. Помимо желания получить практическую профессию (институт в основном готовил работников торговли), этот выбор, скорее всего, был обусловлен относительной легкостью поступления в высшее учебное заведение более скромного разряда. В столице Шкирпе удалось найти жилье на Подольской улице, 17, в пяти минутах ходьбы от места учебы¹⁴.

¹¹ Отчет о состоянии Митавской гимназии в 1890/91 учебном году. Митава: б.и., 1892. С. 20.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 188219. Л. 3.

¹³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 468. Оп. 1. Д. 784. Л. 1, 3–3 об.

¹⁴ Там же. Л. 7.

Время студенчества Шкирпы пришлось на годы Первой мировой войны. Как раз в этот период достигла пика дискуссия о связи национальной принадлежности и боевых качеств солдата, шедшая в Генштабе уже сорок лет. Начиная с военной реформы 1874 г. в рамках идей о создании национальной армии вопрос о национальной принадлежности рассматривали под самыми разными углами. Сначала речь шла о физических данных солдата, затем добавилась антропологическая точка зрения. В конечном итоге в фокусе внимания оказались этнокультурные характеристики, пришедшие на смену старым социальным и религиозным маркерам¹⁵. Уже в ходе начавшейся войны применявшееся ранее расплывчатое обозначение «народность» превратилось в понятие «национальность». Именно оно стало определять положение отдельно взятого призывника.

Таким образом, упомянутая негласная этническая иерархия приобрела вполне конкретные очертания. Ситуация, однако, складывалась весьма противоречивая. С одной стороны, государственная машина по-прежнему руководствовалась теми стереотипами, которые были выработаны интеллектуальной частью российской бюрократии еще полвека назад. Нередко это приводило к парадоксальным ситуациям. Так, латышам было позволено сформировать собственные национальные части, поскольку считалось, что они испытали благотворное воздействие традиционно лояльных немцев, учитывая, что Россия воевала с Германией. Литовцы, напротив, были лишены такой возможности, поскольку они находились в сфере польского влияния.

Вместе с тем масштабные военные действия способствовали определенным позитивным изменениям в официальной практике установления политической лояльности. Здесь можно говорить о настоящем торжестве формального признака. Показательным в этой связи может стать случай историка Юозаса Гальвидиса (1896–1982). В августе 1915 г. он был призван в армию и в соответствии с образовательным цензом имел право поступить на краткосрочные офицерские курсы. Тем не менее он не смог этого сделать с первой попытки, так как не имел «удостоверения о национальности». Очевидно, власти смутил тот факт, что Гальвидис учился в частной католической гимназии в Петербурге, где, по их мнению, мог попасть под «вредное» польское/иезуитское влияние. Помимо этого, в глазах военной бюрократии Гальвидис мог быть «скрытым» поляком или, того хуже, выходцем из принадлежавшего Германии Мемельского края (в условиях оккупации Литвы кайзеровскими войсками это тоже имело значение).

По просьбе Гальвидиса в январе 1916 г. Центральный комитет Литовского общества помощи пострадавшим от войны, располагавшийся в Петрограде, уведомил Владимирское военное училище, что «по наведенным справкам» кандидат принадлежал к «литовской народности» и родным язы-

¹⁵ *Sanborn J. Drafting the Russian nation: military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. P. 10–12, 67–69.*

ком его являлся литовский. Училищному начальству этого оказалось мало, и в феврале того же года из Ковенского губернского присутствия, эвакуированного в Кострому, пришло официальное письмо о том, что Гальвидис «русско-подданный, литовской национальности, ни он, ни его предки не принадлежали и не принадлежат к прусскому подданству»¹⁶. Только после этого он был принят в училище и успешно прошел там курс.

Хотя это лишь частный пример, по нему можно судить о влиянии тех или иных особенностей социализации кандидата в офицеры на его карьеру. При этом, как оказалось, империя зря сомневалась в лояльности Гальвидиса. Живя в Петербурге, он был погружен в русскую среду, после возвращения в Литву не занимался политикой. При советской власти Гальвидис сделал карьеру, став заведующим кафедрой в Вильнюсском университете и лауреатом Госпремии Литовской ССР. Напротив, те, кто рассматривался имперским правительством в качестве лояльных подданных, могли на самом деле русифицироваться лишь поверхностно. Так, Повилас Дундулис и Йонас Лавринайтис в свое время оба получили образование в Курляндии, отличились на фронте и были неоднократно награждены¹⁷. Это, однако, не помешало им войти в число организаторов литовских частей в русской армии. Оба впоследствии стали видными функционерами литовского Генштаба.

В похожей ситуации оказался и Шкирпа. Первоначально по решению призывной комиссии в Поневеже в мае 1915 г. он был зачислен в запас¹⁸. Однако большие потери русской армии и нехватка офицеров обусловили уже в конце того же года ликвидацию отсрочек для действующих студентов некоторых высших учебных заведений. На этой основе в марте 1916 г. Шкирпа был призван в армию и сразу же направлен в 1-ую Петергофскую школу прапорщиков. Как в призывном формуляре, так и в послужном списке отсутствуют какие-либо дополнительные документы и подписки, кроме стандартной справки о прививке от оспы¹⁹. Уже в июле 1916 г. Шкирпа окончил ускоренный курс обучения и был распределен в один из недавно сформированных сибирских стрелковых запасных полков в Омске²⁰.

Как и следовало ожидать, этническая мобилизация, предпринятая царским правительством, не могла повлиять на одни группы и совершенно не затронуть другие. Представители как «лояльных», так и «нелояльных» этносов в армии начали стремительно национализироваться. Особую роль играли военнослужащие, которые в мирное время так или иначе были включены в национальное движение. Ключевым моментом здесь стало то,

¹⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 24629. Л. 2, 5, 8.

¹⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 5-344. Л. 1-3 об; П/с 208-805. Л. 198-201 об.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 468. Оп. 1. Д. 784. Л. 5.

¹⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 188219. Л. 3-3 об.

²⁰ *Novichis A. Generalinio štabo pulkininkas Kazys Škirpa. Jo septyniasdešimties metų sukakties progą // Karys. 1965. N 5. P. 130.*

что инструментальная русификация на время вытеснила личные национально-политические предпочтения в сферу частного и для их оценки, в отличие от внешней вовлеченности в русско-имперскую культуру, в принципе не существовало формальных критериев. Так, Шкирпа свободно владел русским, имел аттестат «правильной» школы, жил в центре. Впоследствии он добросовестно исполнял свои обязанности как офицер русской армии и в сентябре 1917 г. был произведен в подпоручики, причем старшинство ему было засчитано с момента призыва²¹. Тем не менее, как вспоминал его друг юности Антанас Новицкис, уже в Митаве Шкирпа проявил себя как национальный активист, а после переезда в Петроград «сразу же присоединился к деятельности литовских студентов»²². Окончательной «национализации» Шкирпы способствовало и то, что в Петрограде и Омске, где он находился, на тот момент сложились значительные литовские общины.

Февральская революция 1917 г. дала широкую дорогу этнизации армии: в ряде случаев солдатские совещательные органы принимали национальную окраску. Появились украинские, белорусские, польские, латышские и другие объединения. Не остались в стороне от этого процесса и литовцы, организовавшие Литовский национальный совет. В мае 1917 г. он делегировал вопрос создания национальных подразделений непосредственно литовским солдатам, в результате чего ими был сформирован ряд частей²³. Любопытно, что политика Временного правительства по инерции следовала старым установкам: командирами там назначались всё те же «проверенные» литовцы. Среди них был и Шкирпа, ставший представителем Союза литовских солдат при Центральной раде в Киеве²⁴.

Стоит заметить, что проблема соотношения социального и национального, характерная для народов западной окраины старой России, не исчезла и в рамках новообразованных воинских частей. Классическим примером стали военнотружущие латышских полков. Часть из них отвергла социальные противоречия в пользу национального самоопределения и стала основой будущей латвийской армии. Другие же влились в революционное движение и превратились в настоящую «красную гвардию». Описывая эти процессы, историк Томас Бакелис указал, что создание национальных частей в рамках еще «старой» армии заложило основы быстрой ее трансформации после распада Российской империи. Тогда массы демобилизованных офицеров и солдат оказались повторно вовлечены в различные конфликты

²¹ Приказ Временного правительства армии и флоту о чинах военных, 29 сентября 1917 года. [Петроград], [1917]. С. 5.

²² *Novickis A. Generalinio štabo pulkininkas Kazys Škirpa. P. 130.*

²³ *Jokubauskas V. An Army never Created: Lithuanian National Units in Russia and their Veterans Organisation in Lithuania in the Interwar Period // The Great War in Lithuania and Lithuanians in the Great War: experiences and memories. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 2017. P. 105–108.*

²⁴ *Novickis A. Generalinio štabo pulkininkas Kazys Škirpa. P. 130.*

на обломках империи, причем возникавшие «новые» армии, в зависимости от ситуации, могли принимать как национальный, так и революционный или контрреволюционный характер²⁵.

Несмотря на существенные региональные различия и специфику вооруженных сил новых государств, возникших в Восточной Европе, следует согласиться с мнением о важной роли организационного опыта, полученного еще в конце 1917 — начале 1918 г. Развивая эту гипотезу применительно к литовцам, хочется отметить, что решающее влияние здесь имели не отдельно взятые факторы (внутренние или внешние), а сложное сочетание изначальной, глубинной мотивации и актуальных событий. Так, в начале 1917 г. в состав национальных формирований влилась сравнительно небольшая часть солдат-литовцев²⁶, однако после появления на карте независимой Литвы ситуация изменилась. Как представляется, именно вопрос сохранения национальной государственности оставался для Шкирпы центральным и определяющим. Недаром в межвоенный период он разделял идею философа Стасиса Шалкаускаса о Литве как балансирующей между Россией, Германией и Польшей²⁷. В этом плане сотрудничество с Третьим рейхом в представлении Шкирпы, очевидно, было своеобразным аналогом инструментальной русификации дореволюционного времени, включавшим, как и ранее, следование неким формальным признакам, не отменявшим изначально заданной ориентации. Другой вопрос, что у нацистов были совершенно иные принципы определения лояльности и свой взгляд на будущее литовской государственности.

Литература

- Вилимас Д.* Великое Княжество Литовское: стереотипы исторической памяти в Литве // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 507–522.
- Каспаравичюс А.* Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века // *Россия и Балтия*. М.: Наука, 2015. Вып. 7. С. 253–274.
- Balkelis T.* Demobilization and Remobilization of German and Lithuanian Paramilitaries after the First World War // *Journal of Contemporary History*. 2015. N 1. P. 38–57.
- Dieckmann Ch.* Deutsche Besatzungspolitik in Litauen, 1941–1944. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011.
- Jokubauskas V.* An Army never Created: Lithuanian National Units in Russia and their Veterans Organization in Lithuania in the Interwar Period // *The Great War in Lithuania and Lithuanians in the Great War: experiences and memories*. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 2017. P. 101–122.

²⁵ *Balkelis T.* Demobilization and Remobilization of German and Lithuanian Paramilitaries after the First World War // *Journal of Contemporary History*. 2015. N 1. P. 40–42.

²⁶ *Jokubauskas V.* An Army never Created... P. 119.

²⁷ *Каспаравичюс А.* Российский фактор... С. 266.

- Novickis A. Generalinio štabo pulkininkas Kazys Škirpa. Jo septyniasdešimties metų sukakties proga // *Karys*. 1965. N 5. P. 130–137.
- Sanborn J. *Drafting the Russian nation: military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003.
- Truska L. *Litauische Historiographie über den Holocaust in Litauen // Holocaust in Litauen: Krieg, Judenmorde und Kollaboration im Jahre 1941*. Köln: Böhlau, 2003.

References

- Balkelis, T., 2015. Demobilization and Remobilization of German and Lithuanian Paramilitaries after the First World War. *Journal of Contemporary History*, 1, pp. 38–57.
- Dieckmann, Ch., 2011. *Deutsche Besatzungspolitik in Litauen, 1941–1944*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Jokubauskas, V., 2017. An Army never Created: Lithuanian National Units in Russia and their Veterans Organization in Lithuania in the Interwar Period. In: Safronovas, V., ed., 2017. *The Great War in Lithuania and Lithuanians in the Great War: experiences and memories*. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, pp. 101–122.
- Kasparavichius, A., 2015. Rossiiskii faktor v geopoliticheskoi mysli litovskogo isteblishmenta v pervoi polovine XX veka [The Russian Factor in the Geopolitical Thought of Lithuanian Establishment in the first half of the 20th century]. In: Chubar'ian, A., ed., 2015. *Rossiiia i Baltiia* [Russia and Baltic region]. Moscow: Nauka, pp. 253–274.
- Novickis, A., 1965. Generalinio štabo pulkininkas Kazys Škirpa. Jo septyniasdešimties metų sukakties proga. *Karys*, 5, pp. 130–137.
- Sanborn, J., 2003. *Drafting the Russian nation: military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Truska, L., 2003. Litauische Historiographie über den Holocaust in Litauen. In: Bartusevičius, V., Tauber, J., Wette, W., eds, 2003. *Holocaust in Litauen: Krieg, Judenmorde und Kollaboration im Jahre 1941*. Köln: Böhlau, pp. 262–276.
- Vilimas, D., 2004. Velikoe Kniazhestvo Litovskoe: stereotipy istoricheskoi pamiati v Litve [The Grand Duchy of Lithuania: Stereotypes of Historical Memory]. *Ab Imperio*, 4, pp. 507–522.